

Комм. правда. - 1994. - 10 дек. - с. 2.

«На лугу пасутся ко...»

Жизнь автора детской песенки тоже оборвалась на полуслове

Видимость на окраине Братска в тот день была хорошая. Но стадо коров паслось действительно далеко: Мила даже не смогла сразу отличить КРС от других видов живности.

— Доча, смотри, кто там пасется на лугу? — спросил инженер Черных.

— Где?

— Во-он подальше! Далеко-далеко!.. Кто там пасется? Подсказать? Ко...

— Козы?

— Нет, не козы!.. Ко...

— Кони?

— Нет, не кони!.. Ко...

— Коровы!

— Правильно, коровы!

Придя домой, Юрий Черных дописал сущностную концовку диалога с дочерью — о пользе молока. В августе 1965-го стихотворение было опубликовано в «Огнях Ангары» — многотиражке Братск-ГЭСстроя. Через неделю оно лежало на столе у Пахмутовой. Потом залепушка стала лауреатом международного конкурса детской песни в Софии. Потом по ней сняли мультфильм.

А в сентябре 1994-го Юрий Черных повесился.

С чего бы это? Может, с творчеством не заладилось?

Как бы не так! С 1977 года книжки у Юрия Егоровича выходили с завидной регулярностью, иногда — по две в год. В иркутском журнале «Сибирячок» на него только что не молились. Едва ли не ежемесячно выходили его подборки в газетах. Собраты по перу теперь говорят о его смерти с оттенком обиды: если он ушел, то нам-то тогда что делать?

Нет, с творчеством было все в порядке.

Юрий Черных пил. Сильно пил. Он кодировался, лечился в стационаре, наконец врач сказал: алкоголизм вторичен, надо сначала проконсультироваться с психотерапевтом. В тот сентябрьский день он, Черных, должен был идти на прием. Галина Викентьевна Ляпунова (позвоительно будет ее назвать женой, хотя два с половиной года они прожили, не расписываясь) разбулила его без десяти восемь. Он сказал, что еще полегит: на прием — к двенадцати. Вернулась жена без двадцати шесть.

— На входе в прихожей у нас вот так же несуразно стоял стол, — вспоминает она, — я хотела обойти его и едва не наткнулась на висающего Юру. Он был таким, как при жизни, — плечи опущены, весь какой-то виноватый, будто хотел извиниться за то, что так у него вышло.

Она помнит, как в 1992-м, через тридцать лет после знакомства, они сошлись, ходили по иркутским магазинам и выбирали ему костюм. Он страшно стеснялся и холостяцкого пиджака, и того, что вот она, женщина, одевает его: «Я потом обязательно рассчитаюсь». И отдал ей ваучер. Она вложила его в какой-то фонд, но никаких дивидендов пока не получила.

Люди, знавшие Черных, говорили мне, что это были два разных человека. Трезвый был добрым и деликатным. Пьяному не нравилось все — гребущие под себя малые предприятия, жлобский Иркутск и Союз писателей в придачу.

В Братске у него оставалась квартира. Он пустил туда знакомых — они ее загадили и вынесли почти всю мебель. Квартиру он продал, но на вырученные деньги в Иркутске не купил бы избушки. Рубли испарялись, при Галине Викентьевне он оставался вроде приживальщика с пенсией чуть больше ста тысяч рублей. И пропивал ее в течение двух-трех дней.

— Да будь жив Вампилов, он бы сейчас тоже спился! — сказал мне ответственный секретарь Иркутской организации СП Андрей Румянцев. — Писателям ныне не вмоготу. Особенно тем, кто родился в тридцатых — сороковых годах. Они привыкли работать от книжки к книжке. Выходит одна — получают тысяч там шесть-семь — и два года работают над следующей. А сейчас заработков нет, вернуться к прежней работе — учителя, врача или геолога — поздно: утеряны и знания, и навыки.

Когда в прошлом году в Иркутске собирали на конференцию молодые таланты, от администрации Качугского района пришла бандероль с рассказами 25-летнего пастуха из села Копылово Виктора Шишкина. От его вещей — давние виды иркутские — прозяки настолько обалдели, что

заочно присудили ему звание и премию лауреата. Написали: пуст. мол, приезжает, обсуди рассказы, а заодно и премию вручим. Но пока пло письмо, Шишкин кончил жизнь самоубийством — выстрелил в голову из охотничьего ружья. Почему? Оказывается, отец не отпускал в Иркутск: ни специальности, дескать, у тебя городской, ни жилья. А работать на полном серьезе над литературными произведениями в деревне Шишкин не мог: в доме что ни день, то пьянка или драка.

Говорят, что профессиональных литераторов или актеров у нас скоро будет очень мало. Приходят в пример Америку: там с утра разносят гамбургеры, а вечером играют Гамлета. Там сначала занимаются мойкой посуды, потом книги пишут. Так ведь и продукция-то выходит по большей части замызганная: сегодня прочитал — завтра забыл. Ручной, штучной работы пяти процентов не наберется.

И потом: посудомойкой можно начинать...

Незачем Юрию Черных было в тот день идти к психотерапевту. Знатоки человеческих душ не отвечают за устройство жизни.

Он снял очки, ручные часы, вынул из кармана мелочь и ушел туда, где отцы не спрашивают дочерей:

— Кто там пасется на лугу?

Владимир МЕДВЕДЕВ.
(Наш корр.).

67